

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ТАК РОССИИ В XXI ВЕКЕ»

г. Москва, Центральный Выставочный Зал «Манеж»

119019, Москва, а/я 76, (495) 664-24-18, www.mief-tek.com, info@mief-tek.com

Единая Европа определила контуры своего энергетического будущего

В записке прокомментированы итоги энергетического саммита лидеров государств - членов ЕС, прошедшего 4 февраля в Брюсселе

Единая Европа – проверка на прочность

Первый европейский энергетический саммит в формате встречи лидеров стран – членов ЕС прошёл в Брюсселе 4-го февраля на фоне развивающегося долгового кризиса еврозоны. Суверенные долги ряда европейских стран исчисляются сотнями миллиардов евро, и в настоящий момент нет никакой ясности относительно того, сможет ли создание Европейского фонда финансовой стабильности объемом в 750 миллиардов евро и предоставление кредитов решить эту, чрезвычайно тяжёлую для еврозоны проблему. Оценить реальный масштаб последствий реструктуризации суверенных долгов сегодня весьма сложно, но очевидно, что на решение этой проблемы будет влиять ряд негативных процессов. Во-первых, проблемные страны, такие как Ирландия, Греция, Испания, и вероятно, Португалия, вынуждены будут затягивать бюджетные пояса. А ужесточение бюджетной политики, в основе которого, как правило, лежит усиление налогового пресса и снижение расходов на социальные программы – крайне непопулярно у налогоплательщиков. Поэтому, нельзя исключать, что Европу захлестнёт новая волна массовых протестов, наподобие тех, какие мы наблюдали относительно недавно в Греции и во Франции. Во-вторых, высокие цены на нефть, и в целом, достаточно неопределённая перспектива на других сырьевых рынках усложняют задачу финансовой стабилизации в еврозоне. В-третьих, реструктуризация задолженности может ухудшить ситуацию с кредитованием реального сектора экономики ЕС, а это может в свою очередь вновь изменить вектор едва наметившейся экономической стабилизации. Наконец, в ведущих странах еврозоны, - в Германии и Франции, растёт недовольство политикой руководства по «вытягиванию» ЕС из долгового кризиса в ущерб собственному суверенному развитию.

Очевидно, что лидерам ведущих стран - «доноров» европейской интеграции, потребуется политическая воля, единство и последовательность для того, чтобы пошатнувшийся общеевропейский корабль не напоролся на новые подводные камни, и с минимальными потерями вышел из этого «долгового» шторма.

Энергетическая диверсификация любой ценой?

Вернёмся собственно к энергетике. Итак, результат энергетического саммита ЕС не стал неожиданностью. Напротив, его решения абсолютно чётко укладываются в намеченную ещё в 2006-м году стратегическую концепцию: объединение и либерализация европейского энергетического рынка, диверсификация коридоров импорта энергоносителей, приоритетное развитие альтернативной энергетики и кардинальное повышение энергоэффективности во всех секторах экономики. Вновь подтверждена приверженность достижению определённых ранее стратегических ориентиров в виде трёх чисел «20».

Итак, единая Европа хочет иметь единый рынок, единую энергетическую стратегию и скоординированную энергетическую политику как ключевой инструмент реализации этой стратегии. Здесь всё понятно, всё соответствует главному вектору европейской интеграции, сформированному лиссабонскими соглашениями. Наверное, этот стратегический курс является абсолютно естественным для Евросоюза лишённого собственных запасов энергоресурсов, особенно, с точки зрения обеспечения долгосрочной климатической и энергетической безопасности. Наконец, этот курс в полной мере соответствует глобальному энергетическому тренду – постепенному переходу к альтернативной и низко-углеродной энергетике.

Словом, правильным курсом идут товарищи европейцы. Так в чём же проблема? А проблема в том, что такая окончательная и бесповоротная политическая установка ЕС окажет огромное влияние на развитие энергетики и энергетических рынков в десятках государств, в том числе, не входящих в ЕС. Особенно ощутимые последствия следует ожидать для стран – традиционных поставщиков энергоресурсов для ЕС. И если для стран, претендующих попасть в новые экспортные коридоры, например, для Турции, Катара, Нигерии, Азербайджана, Туркменистана эти последствия могут иметь позитивный характер, то для России, Украины и Белоруссии, скорее негативный. Россия является крупнейшим поставщиком первичной энергии в ЕС, в этом её преимущество, и как оказалось, - недостаток. После транзитного кризиса, когда из-за конфликта России и Украины европейские потребители оказались без газа, ЕС всё более открыто стал заявлять о необходимости снижения энергетической зависимости от России. Новая энергетическая стратегия ЕС именно и нацелена на достижение этой цели. Если даже не обращаться к известным фактам, таким, как, например пресловутый 3-й энергетический пакет, а постараться увидеть то, что спрятано между строк итогового коммюнике Брюссельского заседания, то можно констатировать, что по всем направлениям, интересам сегодняшней внешней энергетической политики России будет нанесён существенный ущерб. Например. Евросоюз практически окончательно перенёс на свой уровень принятие всех ключевых стратегических решений в сфере энергетики. Более того. Начиная со следующего года, под контроль ЕС попадают все соглашения, заключаемые на национальном уровне с третьими странами и компаниями из третьих стран. По сути, из российских рук выбивается главный инструмент продвижения наших энергетических интересов – межправительственные и межкорпоративные двусторонние соглашения. И хотя формально, ЕС пока не отбирает у государств-членов право заключать такие соглашения, но сам факт оповещения и информирования о них, это лишь первый шаг по их ограничению. Идём дальше. Что означает для России «диверсификация

экспорта»? Это означает, что Россия будет терять не только свою долю экспорта, но, и вынуждена будет снижать цены, в частности, на газ. Это означает, что в условиях, когда число поставщиков и количество коридоров импорта увеличивается, у ЕС появляется поле для манёвра, появляется возможность управлять ситуацией, в частности, развивать спотовый рынок. А это прямое посягательство на долгосрочные контракты. Поэтому, диверсификация по-европейски, это фактор геополитики и за ценой ЕС, похоже, не постоит. Взять, к примеру, рынок газа. ЕС хочет расширять «южный экспортный коридор», в том числе, за счёт строительства газопровода «Набукко». Это происходит, несмотря на то, что с ресурсной базой у проекта большие проблемы, и вопрос доставки туркменского газа через Каспийское море далёк от разрешения. Сегодня правовой статус Каспия не определён, а заявка Туркменистана на решение вопроса по возможному строительству Транскаспийского газопровода в двустороннем с Азербайджаном формате не находит поддержки других участников переговорного процесса. Однако ЕС упорно предоставляет проекту режим наибольшего благоприятствования. В то же время «Южный поток» так и не получил статус приоритетного для ЕС проекта. Таким образом, можно констатировать, что новая энергетическая стратегия Евросоюза, получившая в Брюсселе политическое благословение руководства ЕС, ни на шаг не приблизила вперёд ни энергодиалог Россия-ЕС, ни процесс подписания соглашения о стратегическом партнёрстве. О чём это говорит? Это говорит о том, что для ЕС своя «европейская геополитическая рубашка» оказалась ближе к телу, и потенциальные риски, связанные с «Набукко», и, очевидно, более высокую цену «вопроса» Евросоюз выбирает исключительно из соображений геополитики, считая, что зависимость от России обойдётся дороже. Это говорит о том, что, с одной стороны у ЕС особенно и нет другой стратегической альтернативы, а с другой стороны, о том, что ЕС считает себя настолько сильным и уверенным, что считаться с интересами России, делать уступки России, искать новые компромиссы он и не готов, и не хочет.

Однако, новая энергетическая стратегия ЕС, таит в себе и значительные риски для её разработчиков. Ещё неизвестно, как будут чувствовать себя под одной европейской «энергетической крышей» такие разные страны, как например Германия и Польша. Поляки ведь так и не получили полноценной поддержки Германии в деле продвижения своего проекта по СПГ. Почему? Да потому, что Германия вскоре получит много газа через «Северный поток», а лишний газ в соседней Польше ей не интересен. Другой вопрос. Кто решится вкладывать сотню миллиардов евро в альтернативную энергетику, если цены на нефть вновь упадут и рентабельность традиционной энергетики вновь вырастет? А ведь история повторяется, и до тех пор, пока глобальная финансовая система и монетарная политика США кардинально не поменяются, вполне вероятно, что в 2012-м году новый нефтяной пузырь лопнет, и цены упадут до 50-60 долларов за баррель. Следующий момент. Выдержит ли немецкий энергетический гигант RWE ту неопределённость с ресурсным наполнением проекта «Набукко», которая «висит» вот уже несколько лет, и не перекинется ли немецкий концерн из «коридора» в «поток»? Ответы на эти непростые вопросы будут получены лишь со временем.

Что остаётся России? Первое. Абсолютно ясно, что позиция в игре на западном направлении у нас существенно ослабла. Конечно, на нашем месте мог бы быть кто-то другой, но таков расклад на европейском рынке. Понятно, что в

ближайшее десятилетие доля России в физическом виде, в экспортном балансе ЕС существенно не упадёт, но её процентная доля будет неуклонно снижаться. Возможно, Россия могла бы проявить большую гибкость в отношениях с ЕС, но посягнуть на святое (например, целостность «Газпрома») она пока явно не готова. Что ж, конкуренция на европейском рынке ужесточается и России придётся разворачиваться на восток, - развивать внутренний рынок и пытаться прорваться на рынки Китая и АТР. Но движение по этим, относительно новым стратегическим направлениям, тоже сопряжено со значительными рисками и неопределённостями. Во-первых, рынок Китая это часть глобального мирового рынка, и поэтому уровень конкуренции на нём будет расти. Во-вторых, долгосрочное прогнозирование развития китайского рынка осложнено неопределённостью контуров будущей энергетической стратегии Китая. От того, в какой степени в ближайшее десятилетие Китай будет использовать свои запасы, в том числе, нетрадиционные источники, будет зависеть динамика его сырьевого импорта. В-третьих, китайский рынок – это, прежде всего, рынок покупателя и ожидать там того уровня доходности, который мы имеем в Европе, не приходится.

Вопрос с внутренним газовым рынком тоже далеко не однозначный. Запланированное повышение внутренних цен на газ может не сработать, - производство вне зоны ТЭК находится в глубочайшем кризисе. Инвесторы в Россию не спешат. За относительной макроэкономической стабильностью скрывается целый клубок проблем, главная из которых – отсутствие реальных структурных изменений и связанных с ними внутренних факторов экономического роста и неспособность правительства выстроить новую экономическую модель. Получается, что «энергетическую кашу» заваренную в ЕС, придётся расхлёбывать российским потребителям со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако, как говорится, нет худа без добра. Ведь наш сырьевой экспорт это и наше преимущество и наша беда одновременно. Может быть, мы ещё скажем спасибо нашим европейским партнёрам за то, что они вынудили нас перейти, наконец, от слов к делу, вспомнить четыре буквы «И» президента Медведева, и приступить к построению нормальной цивилизованной рыночной экономики, экономике в которой частный бизнес, экономическая свобода и конкуренция станут ключевыми ценностями.

Главный аналитик Форума

А.П. Епишов

14 февраля 2011 г.